

Инчукалнс — город на гудроне

«Час»-2008
«Час»
раскрывает
суть
проблем

Часть вторая. Новейшая история

(Продолжение. Начало
в номере от 22 октября)

Краткое содержание первой части

Корреспондент «Часа» поддается на «провокацию» коллег из других изданий, кричащих о «новой сенсационной экологической катастрофе», и отправляется в латвийский Инчукалнс, чтобы увидеть, как из колодцев и кранов в домах жителей этого города «течет гудрон». В разговорах с местными жителями и мэром Инчукалнса он узнает, что факт имеет место, но только в единичном случае — нефтепродукты в течение уже нескольких лет обнаруживаются только в колодце жительницы Инчукалнса Инеты Х. Как они туда попали — остается загадкой, однако никакого «гудронового следа» в этом колодце нет, заявляют эксперты, проводившие химический анализ нефтесодержащей воды.

Побывав на берегу Южного гудронового «озера», расположенного в лесу в четырех километрах от Инчукалнса, корреспондент убеждается: отдельные виды работ по санации территории в 80-е и 90-е годы велись, но носили временный и экспериментаторский характер, а ныне вообще приостановлены. Однако за почти 50-летнюю историю гудроновых «озер» в данный момент Латвия находится ближе всего к решению одной из острейших своих экологических проблем — ликвидации очага загрязнения в Инчукалнсе. Поговорив с депутатом Сейма, членом комиссии по защите среды Дзинтарсом Яунджейкерсом, корреспондент узнает, что в конце этого года Евросоюз выделит Латвии огромную сумму — в размере 45–50 миллионов евро на решение экологической проблемы, часть из которой, около половины, предназначается для санации гудроновых «озер» Инчукалнса...

Иван ПОСОХОВ

Рига — Инчукалнс — Рига

Сроки
отодвигаются,
проект буксует

— Сомневаюсь я в отношении
бюджетных денег...

Иван Владимирович делает
вдох немного глубже
обычного (или это мне только
показалось?).

— Мы, конечно, специали-
сты грамотные, умные. Но в та-
ких делах эксперты, понятное
дело, всегда умнее нас... Вот
они и поставили перед нами
очередную задачу: уточнить

С. Л. ЛЕВЧЕНКО

сен, так как объем загрязнен-
ной массы мы действительно
определяли не прямыми за-
мерами...

— Интересно, каким
образом вы сегодня сможете
определить рельеф карье-
ра, вырытого полвека на-
зад и засыпанного песком?
О нем сохранились дан-
ные?

— Нет, не сохранились. А
значит, придется делать по
периметру и по площади
«озера» дополнительные
скважины, брать из них пробы
и на основании этого созда-
вать топографию дна. Что мы
и сделаем, если, конечно, эта
работа будет поручена нам.
Хотя, скорее всего, опять бу-
дет объявлен конкурс... На
это тоже уйдет время.

Теперь — о втором «озе-
ре».

Южное гудроновое «озе-
ро», появившееся в 1968 году,
представляет из себя нечто

чего и сколько. Таковы ре-
зультаты...

«Чеченский
след», или Откуда
взялась серная
кислота?

Вернемся на секунду в
прошлое. Как известно, основ-
ная проблема, из-за которой в
течение последних двадцати
лет латвийские ученые и эко-
логи не могут справиться с
Южным гудроновым «озе-
ром» — это наличие в нем тех
самых очагов серной кислоты.
Хотя, скорее всего, опять бу-
дет объявлен конкурс... На
это тоже уйдет время.

Южное гудроновое «озе-
ро», появившееся в 1968 году,
представляет из себя нечто

всю свою жизнь занимался пе-
реработкой различных фрак-
ций нефти, поступающих из
Грозного, в масла.

В советское время его пе-
реквалифицировали на про-
изводство светлых масел для
медицинской и парфюмерной
промышленности.

Так вот, чтобы превратить
тяжелое масло в масло лег-
кое, благоухающее, надо бы-
ло «связать» тяжелые углево-
дороды и вывести их в осад-
ок... Это понятно?

Я киваю. Уж что-то, а это из
уроков химии в голову каким-то
образом затесалось... Вижу,
что доктор наук Семенов моему
пониманию рад.

— А достигалось подобное
добавкой очень большого ко-
личества серной кислоты! Где-то около 30 процентов...

Отходы — тяжелые фракции
нефтепродуктов вместе с сер-
ной кислотой — и вывозились
в Инчукалнс.

Интересно, почему такой
способ санации был приос-
тановлен?

— Делалось это уже не в
светское, а в наше время. В
конце 90-х, начале 2000-х го-
дов. По договору между мини-
стерством среды Латвийской
Республики и тогдашним руко-
водством Брестского цемент-
ного завода. Конечно, процесс
стоил очень дорого для него
требовалось специальное
кислотостойкое оборудование,
потому что обычные цистерны
не выдерживали воздействия
серной кислоты и их приходи-
лось очень часто менять. Но
все равно — около 7000 тонн
сернокислого гудрона были
вывезены из Южного «озера»
и сожжены. Немало!

Почему процесс приостано-
вился? Ну, тому много при-
чин. Дороговизна — одна из
них. Но были и другие, техни-
чески-организационные. Брес-
тский завод поменял хозяи-
на, его приобрели мексикан-
цы, которые, понятно, настро-
ены менее патристично и не
хотят возиться с нашим гудро-
ном. Они заняты своим основ-
ным производством — цемента,
шифера.

Земле гудрон
не нужен,
или Еще одна
опасная точка

— Где-то в 80-х годах, когда
Южное гудроновое «озеро»
начало уже переполняться и
выходить из берегов, пробовали
закладывать этот гудрон и в
глубокие структуры земли, для
чего пробурили несколько ки-
лометровых скважин. Как изве-
стно, в Инчукалнсе есть под-
земное газохранилище; как
раз на такой глубине — закры-
тая геологическая структура,
своеобразная «капсула», пе-
рекрытая слоем непроницае-
мых глинистых отложений.

Так вот такая же структура
находится и под инчукалн-
ским Южным гудроновым

может подняться с глубины,
просочиться через жваву и
уйти в вышележащие геоло-
гические структуры, кото-
рые по своей природе не яв-
ляются «герметичными».

Поэтому одна из глав на-
шего проекта посвящена лик-
видации этих опасных сква-
жин.

— Каким образом?

— Бить такой способ, кото-
рый называется тампони-
рование. В скважины заливается
специальный цемент,
таким образом гудрон уходит
в своеобразный могильник.

— Интересно, а сколько
всего гудрона в 80-е годы
удалось закачать в скважи-
ны?

— По моим данным, около
87 000 кубометров жидкой
фракции...

Решение проблемы.
Время действия —
перспектива

Итак, кажется, летопись гу-
дроновых «озер» Инчукалнса
близится к своему заверше-
нию...

— Иван Владимирович,
каким все-таки образом вы
предлагаете раз и наве-
гда решить проблему инчу-
калнского гудрона? Вы го-
ворили про три альтерна-
тивных способа санации...
К какому склоняетесь лич-
но вы?

— Для меня этот вопрос
был ясен с самого начала —
не делать могильники (сколь-
ко уже можно строить их в
Латвии), а раз уж Европа го-
това дать средства, полно-
стью ликвидировать оба очага.

Поэтому наше предложе-
ние по Северному «озеру»
включает в себя полную хими-
ческую промывку грунта с по-
мощью реагента, в результа-
те которой чистый песок вер-
нется на прежнее место. То,
что останется после такой
промывки — а это отходы

сом, корреспондент узнает, что в конце этого года Евросоюз выделит Латвии огромную сумму — в размере 45—50 миллионов евро на решение экологических проблем, часть из которой, около половины, предназначается для санации гидронных «озер» Инчукалнса...

Иван ПОСОХОВ

Рига — Инчукалнс — Рига...

Сроки отодвигаются, проект буксует

— Сомневаюсь я в отношении быстрых денег...

Рига, улица Пилс, 17. Государственное SIA Vides projekti.

На столе Ивана Владимировича Семенова — доктора геологических наук, руководителя проекта санации территорий гидронных «озер» в Инчукалнсе — огромный, в несколько сотен страниц, увесистый том.

Читаю: «План возможного использования загрязненных территорий. Второе издание. Инчукалнский гидронный пруд».

— Разработку заявки Министерства среды Латвии на санацию гидронных «озер» Инчукалнса Vides projekti начали еще в 2004 году, а закончили в 2005-м... Видите, как давно мы уже сделали свою работу!

— Так в чем же дело? Что держит?

— Есть определенная схема, по которой Евросоюзом выделяются средства на проекты такого рода. И ЕС ее очень скрупулезно соблюдает.

После того как в Брюсселе получили всю нашу документацию, был объявлен конкурс (такие конкурсы, как известно, длятся не один день), в результате которого была создана комиссия экспертов Европейского инвестиционного банка.

Цель работы экспертов — проверка наших разработок. Их интересуют две вещи: в первую очередь — насколько наши данные и наши предложения соответствуют реальности, и во вторую — насколько они соответствуют требованиям самого Евросоюза...

— Другими словами, наши бумаги по Инчукалнсу находятся под сукном еврочиновников уже около двух лет?

— Я бы не сказал, что «под сукном». За это время эксперты уже трижды приезжали в Латвию, были они и на «озерах», разговаривали с нами...

— Почему же тогда вы не уверены в скором получении Латвией денег на санацию Инчукалнса?

Иван Владимирович делает вдох немного глубже обычного (или это мне только показалось?):

— Мы, конечно, специалисты грамотные, умные. Но в таких делах эксперты, понятное дело, всегда умнее нас... Вот они и поставили перед нами очередную задачу: уточнить кое-какие данные по объемам и составу сернокислого гидрона и, как следствие, по финансовым затратам на санацию.

Если бы кто-нибудь спросил мое мнение, я бы ответил, что «уточнять» можно до бесконечности. Лет десять еще можно «уточнять». Но раз эксперты сказали — надо делать...

Таким образом, сроки отодвигаются, проект буксует, а значит, к концу 2007 года никакие средства из ЕС к нам не поступят.

Что еще хотят знать эксперты ЕС?

— Тогда давайте поговорим о деталях...

— Пожалуйста. Для начала уясним, что технологии санации каждого из инчукалнских гидронных «озер» существенно отличаются. Почему?

Возьмем самое старое «озеро», так называемое Северное, существующее уже с 1958 года.

Как известно, его в свое время просто засыпали песком. Сравнили с землей. Но в экологическом смысле опасность не была ликвидирована. С каждым дождем, таянием снега происходит размывание песчаной поверхности, вода смешивается с гидроном, эта опасная смесь уходит в недра, проникает в грунтовые и артезианские воды, идет с ними дальше, в направлении Гауи...

Экспертов ЕС не устраивает то, что точно неизвестен рельеф дна вырытого 50 лет назад под слив гидрона карьера. В принципе, требование вполне логичное, так как если неизвестен рельеф, неизвестен и объем смеси песка и гидрона, который предстоит очистить. А значит, трудно определить и стоимость работ по санации. «С чего вы взяли расценки?» — спрашивают эксперты. В данном случае я с ними частично согла-

ные?

— Нет, не сохранились. А значит, придется делать по периметру и по площади «озера» дополнительные скважины, брать из них пробы и на основании этого создавать топографию дна. Что мы и сделаем, если, конечно, эта работа будет поручена нам. Хотя, скорее всего, опять будет объявлен конкурс... На это тоже уйдет время.

Теперь — о втором «озере».

Южное гидронное «озеро», появившееся в 1968 году, представляет из себя нечто напоминающее многослойный пирог. Нефтепродукты свозили в него без малого 25 лет, этот гидрон менял свои характеристики, расслаивался, и сегодня мы можем говорить фактически про четыре основных загрязненных слоя.

Слой первый — выпадающие атмосферные осадки, в которые из глубины «озера» проникает загрязняющее вещество (так называемая восходящая диффузия).

Слой второй — переходный, это пастообразная, вязкая фракция гидрона.

Слой третий — фактически твердая фракция гидрона.

И на самом деле — четвертый слой, загрязненный грунт. Понятно, что каждый из этих слоев требует своей технологии очищающей переработки. А раз так, значит, считают евроэксперты, надо знать точные объемы каждого слоя и только тогда можно подписаться под расценками за работу по санации.

— Разве в вашем отчете эти объемы не указаны?

— Конечно указаны. Первый, жидкий слой — 15 000 кубометров второй, пастообразный — 24 000 кубометров, третий, твердый — 10 000 и четвертый, грунтовый — 13 000... Но евроэксперты, которые представляют Германию, люди очень пунктуальные, дотошные. И они потребовали от нас еще более точную информацию, которую, в моем понимании, получить просто невозможно. К тому же, на мой взгляд, она и не нужна.

— Почему?

— Сколько бы дополнительных скважин в этом «озере» мы ни бурили, сколько бы проб ни брали — точную картину получить не удастся, так как слои распределены очень неравномерно! Вплоть до того, что по всему «озеру» внутри гидрона распространены так называемые линзы (скопления) серной кислоты. Свообразные «озерца» в «озере». Не будет точного ответа:

прошлого. Как известно, основная проблема, из-за которой в течение последних двадцати лет латвийские ученые и экологи не могут справиться с Южным гидронным «озером» — это наличие в нем тех самых очагов серной кислоты. Сернокислый гидрон при его перекатке или транспортировке просто-напросто разъедает и трубы, и цистерны. Но вот откуда он взялся в Инчукалнсе? На этот вопрос мне пока не смог ответить никто.

Но Иван Владимирович, который, как мне сказали, занимается Инчукалнсом уже не первый десяток лет, разложил ответ буквально по полочкам...

— История такова. Рижский нефтеперерабатывающий завод, тот, что на улице Твайки и которому уже больше 150 лет,

тяжелое масло в масло легкое, благоухающее, надо было «связать» тяжелые углеводороды и вывести их в осадок... Это понятно?

Я киваю. Уж что-то, а это из уроков химии в голову каким-то образом затесалось... Вижу, что доктор наук Семенов моему пониманию рад.

— А достигалось подобное добавкой очень большого количества серной кислоты! Где-то около 30 процентов... Отходы — тяжелые фракции нефтепродуктов вместе с серной кислотой — и вывозились в Инчукалнс.

7000 тонн сгорели в Броце-ны... Почему так мало?

— Мне рассказывали, что в советское время Южное гидронное «озеро» пытались не только закачать в недра земли, но и вывозить в Броце-ны и использовать в качестве топлива, то есть попросту сжигать.

— Где-то в 80-х годах, когда Южное гидронное «озеро» начало уже переполняться и выходить из берегов, пробовали закачивать этот гидрон и в глубокие структуры земли, для чего пробурили несколько километровых скважин. Как известно, в Инчукалнсе есть подземное газохранилище, как раз на такой глубине — закрытая геологическая структура, своеобразная «капсула», перекрытая слоем непроницаемых глинистых отложений.

Так вот такая же структура находится и под инчукалнским Южным гидронным «озером».

Метод закачки токсичных отходов в недра не нов, его используют во многих странах. Только в американском штате Флорида в 70—80-е годы работало около 30 подобных скважин, куда закачивались всевозможные отходы, в том числе и нефтепродукты. В Швеции закачка производилась в гранитные пустоты, во Франции — в соляные шахты.

Технология такой санации проста и надежна.

Гидрон слегка подогревается, закачивается по трубе в скважину и под давлением 40 атмосфер идет под землю. Потом краник закрывается — и все. Хочешь получить гидрон обратно, чтобы увезти на переработку? Открываешь краник, гидрон под давлением выходит наружу, в цистерну, и ты его увозишь на переработку.

Все было бы хорошо и у нас, если бы...

В начале 90-х произошла смена власти. Про скважины с гидроном забыли, они оказались никому не нужны. А их надо было как-то содержать, проверять, обслуживать...

В итоге за последние 20 лет они пришли в негодность. Проржавели. И сами стали представлять очень серьезную угрозу экологии. А именно: закачанный в них сернокислый гидрон спокойно

но вы?

— Для меня этот вопрос был ясен с самого начала — не делать могильники (сколько уже можно строить их в Латвии!), а раз уж Европа готова дать средства, полностью ликвидировать оба озера.

Поэтому наше предложение по Северному «озеру» включает в себя полную химическую промывку грунта с помощью реагента, в результате которой чистый песок вернется на прежнее место. То, что останется после такой промывки — а этим остатком будет фактически гидрон — уйдет на переработку с гидроном из Южного «озера».

Гидрон Южного «озера» также будет нейтрализован, и делаться это будет на месте. В «озеро» введут нейтрализатор серной кислоты, затем — специальный химический кондиционер, в результате чего вся эта неоднородная толща превратится в однородную массу. А дальше уже — экскаватор, фуры... И вся эта масса будет отправлена в Германию для дальнейшего использования.

Известно, что немцы из бытовых отходов и гидрона делают топливо для своих тепловых электростанций.

— Таким образом, очень скоро на месте инчукалнских гидронных «озер» будет идеально чистое место?

— Да. Как говорится: гидрон и с глаз долой, и из сердца вон... Но лично мне — жалко. Жалко, что и деньги, выделенные Европой, и наш гидрон таким образом уйдут из Латвии... Немцы станут богаче. А ведь хорошо было бы Латвии самой осуществить подобный проект! Но, увы, от меня это никак не зависит...

P. S.

«Час продолжит следить за развитием событий на гидронных «озерах» Инчукалнса.

Иван Владимирович Семенов: «Про скважины с гидроном забыли».

Инчукалнс — город на гудроне

«Час»-2008
Самая полная информация о ЧП на наших страницах!

Часть первая. История одной «сенсации»

На прошлой неделе несколько газет и один из латвийских телеканалов разродились сенсацией: — В Инчукалнсе — экологическая катастрофа! Гудрон добрался до систем водоснабжения, местное население дышит парами бензина и пьет из-под крана сырую нефть... «Час», бывавший на инчукалнском гудроновом «озере» еще в начале 90-х годов прошлого столетия, прихватив противогаз и двухдневный запас питьевой воды, срочно отправился в Инчукалнс.

Иван ПОСОХОВ
Рига — Инчукалнс — Рига

Как рождаются «сенсации»

— По поводу гудрона? — с готовностью откликается мэр Инчукалнса Арвидс Блаус. — И по поводу воды? Садитесь, включайте диктофон, я готов.

По всему виду городского главы и по количеству подготовленных к разговору официальных бумаг можно понять: я у него за сегодня далеко не первый...

— Начну с нефти. Факт есть факт. В 2003 году одна из жительниц Инчукалнса обнаружила в своем колодце рядом с домом на улице Планупес изрядное количество какого-то нефтепродукта. Она открыла кран, и из него полилось что-то черное... Тогда же была проведена экспертиза, подтвердившая... (Арвидс возится в бумагах и передает одну мне) ... вот: «Отчет о тестировании. Идентификация нефтепродуктов. Вода из крана. Обнаружено: C6—C10 — фракция бензина, C10—C23 — фракция дизельного топлива...» Видите? То есть что-то нефтесодержащее из крана действительно текло.

Однако обнаружить источник загрязнения не удалось... Прошло четыре года.

На стол кладется третья бумага

— Это последние данные о состоянии воды в городе. От 26 сентября 2007 года. Тестирование проводилось Рижским территориальным управлением защиты среды. Обнаружено повышенное содержание железа. В 2—5 раз. Но с гудроновыми «озерами» разве это связано? Конечно же, нет. При этом идеальная вода? У нас, насколько я знаю, превышение содержания железа — это абсолютно типическая ситуация. Возьмите ту же Сигулду! Поэтому большинство людей пользуются фильтрами, покупают их, ставят, я и сам так делаю. Если прежде из крана текла вода с огромным содержанием железа — 2,0 миллиграмма на литр, превышающим допустимую норму в 0,2 почти в десять раз, то после установки фильтра — 0,11, то есть в два раза меньше, чем допустимая норма.

— Арвидс, с железом понятно. А вот с нефтепродуктами в воде... — Я не могу понять, каким образом они попадают во всем городе только в один колодец. В 30 метрах от него прорыт точно такой же. И никакой нефти.

(Забегая вперед, озвучу

— Я не специалист. Но, по-моему, нет.

...И еще раз забегая вперед.

Работница Vides audits rocka Страда (а это ее подруга) стояла под последним тестированием воды из «нефтеколодца» на Планупес, едва только услышав мой вопрос («Скажите, можно как-то связать нефть из колодца с гудроном из «озера») пришла в жуткое негодование.

— Вы, журналисты, ничего толком не понимаете, а беретесь писать обо всем! Вы бы хоть у специалистов проконсультировались! Какая глупость! Конечно, они никак не связаны! Состав абсолютно разный. Там же сульфаты, железо, сера... Я вам точно говорю: то, что было найдено в колодце, к инчукалнскому гудрону не имеет никакого отношения! Какая глупость! Сначала узнайте, потом пишите!

И в сердцах бросила телефонную трубку.

Я не обиделся. Я узнал.

История гудроновых «озер» Инчукалнса

Арвидс подходит к карте вверенного ему района и показывает на большое черное пятно...

— Это и есть то самое «озеро». Вот одно. Вот второе. Но если так называемое Северное (территория его примерно 1 га) было засыпано песком, то Южное (около 2 га) и поныне находится в открытом, «жидком» состоянии. Безусловно, в плане экологии оба «озера» представляют в

Зловещее гудроновое озеро

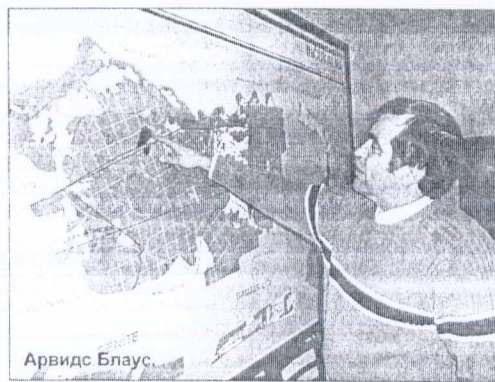
деятельности. Просто свозить и выливать.

— Насколько я знаю, Северное озеро наполнялось гудроном лет десять, после чего его засыпали и начали осваивать Южное. Я сам в Инчукалнсе живу с 1974-го и помню, как через город в лес каждый день проезжали двести машин с гудроном... Много ездили.

Днище котлованов, в которые сливался гудрон, не было забетонировано.

— И так продолжалось года до 1985-го... А потом власти запретили слив гудрона и машины сюда ездить перестали.

А когда у жителей Инчукалнса начались проблемы ввиду такого экологически опасного наследия? — Знаете, я не могу сказать, что какие-то особенные проблемы у нас были. Инчукалнс все-таки находится на много выше уровней гудроновых «озер», метров на десять, точнее не могу сказать. А вот к Вангажи, в его сторо-

Арвидс Блаус

этот район заранее обезопасить.

— Поджигали «озеро»? — Да именно. Подожгли край с подветренной стороны, смачивали какую-нибудь тряпку горючей жидкостью, подносили спичку, тряпка загоралась, и тогда мы кидали ее в гудрон. Ветер разносил огонь по поверхности... Начи-

зования его и при замесе асфальта.

Но все методы оказались не очень эффективными, так как в процессе выяснилась одна очень серьезная проблема.

Гудрон из Южного «озера» оказался... сернокислым! То есть с примесью серной кислоты. А значит — едкий, раз-

Справка

Гудрон (фр. goudron) — остаток, образующийся в результате отгонки из асфальтоподобной нефти. Это вязкая жидкость или твердый продукт черного цвета с блестящим изломом.

Выход гудрона — от 10 до 45 процентов от нефтяной массы. Гудрон используют для производства дорожных, кровельных и строительных битумов, малозольного кокса, смазочных масел, горючих газов и моторных топлив. Кислый гудрон — это отходы, которые образуются при очистке некоторых нефтепродуктов (например, смазочных масел) концентрированной серной кислотой; вязкая жидкость черного цвета, содержащая наряду с органическими веществами 15—70 процентов серной кислоты.

Черная поверхность гудронового «озера» под косыми лучами осеннего солнца переливается бензиновыми радужными разводами. Черный промасленный песок на берегу. Зловещая картинка, о которой только может мечтать Голливуд — никаких таких особых декораций, приехал — и снял!

Но воздух — чистый, хороший, свежий.

— Ян Янич, говорят, тут дышать нечем. Говорят, испарения бензиновые, кислотные... Говорят, даже в Инчукалнсе «аромат» гудрона чувствуется... Не боитесь отравиться?

Мой собеседник машет рукой в мою сторону, мол, слышал, знаю, и просторечно, подетски добавляет уже вслух: «Фуфло это все!»

— Если подойти к самому краю да наклониться над «озером» — конечно, запах есть. Летом, когда вода испаряется, он идет чуть дальше. Но чтобы добить до Инчу-

ста «чистота» проп, и на это полилось что-то черное... Тогда же была проведена экспертиза, подтверждающая... (Арвидс возится в бумагах и передает одну мне) — вот: «Отчет о тестировании. Идентификация нефтепродуктов. Вода из крана. Обнаружено: С6—С10 — фракция бензина; С10—С23 — фракция дизельного топлива...» Видите? То есть что-то нефтесодержащее из крана действительно телью.

Однако обнаружить источник загрязнения не удалось... Прошло четыре года.

В сентябре все та же жительница Инчукалнса снова заказывает тестирование воды из того же колодца. (Перед мной на стол ложится еще один документ.) И снова речь идет о том же колоде. Свежий тест показывает содержание нефтепродуктов в воде в количестве 15 000 миллиграммов на 1 литр... И опять источник загрязнения не определен.

После этого все и началось. В Инчукалнс приезжают телевизионисты.

— Я смотрю по телевизору их сюжет. Смысл его таков: «В Инчукалнсе экологическая катастрофа!» Меня они не застали, но ходили и брали интервью у жителей — скрытой камерой.

Журналисты сознательно работали над созданием сенсации.

— Так что нефти в водопроводах Инчукалнса нет? Или есть? А в колодцах?

Вода содержала железа — 2,0 миллиграмма на литр, превышающим допустимую норму в 0,2 почти в десять раз, то после установки фильтра — 0,11, то есть в два раза меньше, чем допустимая норма.

— Арвидс, с железом понятно. А вот с нефтепродуктами в воде...

— Я не могу понять, каким образом они попадают во всем городе только в один колодец. В 30 метрах от него прорыт точно такой же. И никакой нефти.

(Забегая вперед, озвучу одно из мнений: в колодец на улице Планулес нефтепродукты вливают сливают хулиганы. Ради хохмы или ради мести — это уже другой разговор. Тут не экологам надо разбираться, а полиции.)

— То есть вы считаете, что близость гудроновых «озер» к Инчукалнсу тут ни при чем?

«Озеро» Инчукалнса

Арвидс подходит к карте вверенного ему района и показывает на большое черное пятно.

— Это и есть то самое «озеро». Вот одно. Вот другое. Но если так называемое Северное (территория его примерно 1 га) было засыпано песком, то Южное (около 2 га) и поныне находится в открытом, «жидком» состоянии. Безусловно, в плане экологии оба «озера» представляют в перспективе очень серьезную опасность!

...Шел 1959 год.

По решению советских властей в лесах Инчукалнского района вырываются два больших карьера, в которые Рижскому нефтеперерабатывающему заводу разрешается свозить неликвидные остатки

заботиторовано. — И так продолжалось года до 1985-го... А потом власти запретили слив гудрона и машины сюда ездить перестали. — А когда у жителей Инчукалнса начались проблемы ввиду такого экологически опасного наследства? — Знаете, я не могу сказать, что какие-то особенные проблемы у нас были. Инчукалнс все-таки находится на много выше уровней гудроновых «озер», метров на десять, точнее не могу сказать. А вот к Вангаки в его сторону, у сторону Гауи, гудрон вполне может перемещаться под землей... Тогда как раз и идет уклон... Ученые подсчитали, что распространение гудрона «с горки» идет со скоростью 30—40 метров за год... И вот это действительно опасно.

Борьба борьбы с борьбой

И чего только не делалось в разные годы разной властью, чтобы оба этих «озера» как-то нейтрализовать! Вероятную опасность гудронового соседства к середине восьмидесятых начали понимать уже все...

— Я работал в советское время в инчукалнском лесничестве, так осенью с 1975 по 1980 год мы приезжали на Южное «озеро» и поджигали его... Цель? Чтобы выгорел бензин и весной-летом в случае засухи и лесных пожаров

Арвидс Блаус

этот район засане обезопасить.

— Поджигали? «Озеро»?

— Да именно. Подходили к краю с подветренной стороны, смачивали какую-нибудь тряпку горючей жидкостью, подносили спичку, тряпка загоралась, и тогда мы кидали ее в гудрон. Бегер разнесил огонь по повескости. Начиналось с малого, а потом, знаете, какой костер полыхал! Целых пять, а то и шесть часов! Мы заранее предупреждали и рижских, и сигулских пожарных, чтобы те были в курсе и не неслись на пожаротушение... Но однажды на дым от этого пожара приехали пожарные из... Валмиеры! Ой, говорят, какой дым! От нас видно!

Кажется, в конце 80-х гудрон из Южного начали закачивать в недра земли.

— Там метрах в ста от «озера» сделали несколько 900-метровых скважин, подали трубы, поставили насос и начали перекачивать гудрон с поверхности под землю. Подогревают — перекачивают — перекачивают... Но длилось это недолго.

А с 2000 по 2003 год попробовали иной способ: гудрон из Южного «озера» заталкивали в цистерны и возили в Броцены, где жили в пеще. Разбавлялись проекты исполь-

зования его и при замесе асфальта.

Но все методы оказались не очень эффективными, так как в процессе выяснилась одна очень серьезная проблема.

Гудрон из Южного «озера» оказался... сернокислым! То есть с примесью серной кислоты. А значит — едкий, разъедающий.

— Этот гудрон просто проедал железные механизмы, те же трубы, по которым его закачивали в скважину или в цистерны, сами цистерны... И становилось ясно, что таким способом — выкачать, отвезти, сжечь — столь огромное количество — около 100 000 кубометров! — гудрона просто нереально...

И ученые продолжили поиск других, более подходящих способов решения гудроновой проблемы.

Охранник черного района

...Ян Янч снимает замок с ворот, запускает нас на охраняемую территорию, и мы движемся вниз, с небольшой горки, под уклон, к тому самому зловещему месту, из-за которого, собственно и приехали...

— Вот и оно, так же «Южное».

Несколько километров по Инчукалнскому лесу на машине — дело, как говорится, легкое, но добравшись мы до «озера» не менее получаса. Почему? Природа! Во-первых, полный лес грибов (правда, о наличии в нем ценных белых говорили только свежие срезы вдоль всей дороги, зато всяких маслят да козлят — бери, ешь!), а во-вторых, косули! Водитель вовремя притормозил, и секунд двадцать мы не мигая смотрели друг на друга — я и это любознательное животное. Но тут из кустов выскочила особь вторая, чуть побольше (мама?), и обитательницы леса мгновенно унеслись от греха в моем лице подальше — кто его, этого человека, знает, что у него на уме...

— Косули? Видел, видел... Частенько и сюда подходят, прямо к колючей проволоке... Стоят, на «озеро» смотрят... Нет, природа тут дышит! Грибы я даже не собираю, за столько лет уже надоело

дышать нечем. Говорят, испарения бензиновые, кислотные... Говорят, даже в Инчукалнсе «аромат» гудрона чувствуется... Не боитесь отравиться?

Мой собеседник машет рукой в мою сторону, мол, слышал, знаю, и просторечно, подетски добавляет уже вслух «Фуфло это все!»

— Если подойти к самому краю да наклониться над «озером» — конечно, запах есть. Летом, когда вода испаряется, он идет чуть дальше. Но чтобы добить до Инчукалнса! Нет, неправда это...

Оказывается, Ян Янч работает охранником Южного гудронового «озера» уже пятый год.

...Проходим мимо проржавевших и проеденных сернокислым гудроном цистерн...

— Я здесь многое успел повидать — и людей, и технику... Кто только не приезжал, пробы бесконечно снимали, качали... Насос купят за двадцать тысяч латов, а он перестает работать, портится... Бетономешалку привезли, решили гудрон смешивать с известью, с цементом, чтобы кислоту погасить, тоже мучились... Чтобы трубы сохранили, цистерны — отправляли их в Валмиеру, делали изоляцию из стеклоткани — все-равно не помогло. А потом купили очень дорогие трубы, австрийские, покрытые слоем, который используется для изготовления зубных коронок. Эти дольше прослужат...

— Птиц в этом году много погибло?

— В этом — ни одной не помню. Три года тому назад — да, было. Прилетят, бедные, сядут и — спилились перья. Все, конец. А сейчас у нас есть специальная сирена, так мы гоняем их как следует, близко не подлетают.

Я фотографирую черную поверхность... Зловещее место. Гиблое. Привет из прошлого пятидесятилетней давности.

— Ян Янч, но я слышал, что скоро тут у вас наведут порядок.

Мой собеседник в ответ утвердительно кивает головой.

— А то как же! Европа столько денег должна выделить на санацию! Значит, будет много желающих эти деньги получить. Будет конкуренция. Немцы особенно в этом деле сильны, у них, на территории бывшей ГДР, такие гудроновые «озера» росли прямо на территории городов. И ничего, вычистили... (Продолжение следует.)

Депутаты разобрались: «Ситуация под контролем»

Дзинтарс Яунджейкарс, депутат латвийского Сейма:

— Сразу после того как выступила пресса, комиссия Сейма по вопросам среды выехала в Инчукалнс. Мы встретились с руководителем местной управы, учеными, знающими суть гудроновой проблемы, съездили на оба нефтяных «озера». Северное — то, которое уже засыпано песком, и Южное — то, поверхность которого водниста.

Что могу сказать? Да, ситуация тяжелая. Действительно, огромные площади загрязнены гудроном, причем гудроном сернокислым, что осложняет ситуацию. Действительно, от этого страдают птицы, которые принимают поверхность Южного «озера» за чистую монету, садятся и в итоге погибают.

Но проблема Инчукалнса не нова. Ей уже без малого пятьдесят лет. И все эти годы государство ею занимается. Как в советское время, так и с

началом независимости проводились многочисленные и постоянные комплексы мероприятий по санации гудроновых территорий.

Так что нет никакой новой сенсации, никакого нового ЧП.

Ситуация в Инчукалнсе находится под контролем, мало того, близок день ее разрешения.

Латвия ожидает (возможно, уже к концу этого года) из специальных европейских фондов около 45—50 миллионов евро на санацию экологически опасного «наследства СССР» (причем учеными и экономистами подсчитано, что общая потребность нашего государства в затыкании всех таких экологических дыр прошлого составляет около 200 миллионов евро), примерно половина из которых достанется инчукалнским гудроновым «озерам», как самым экологически опасным из всех латвийских объектов.

Сумма, необходимая для санации, очень велика. С чем ее сравнить? Для

полной замены труб системы канализации и водоснабжения в Риге нужны все те же 50 миллионов евро. И если бы они у нас были, мы бы их, скорее всего, потратили именно на это... Но, увы, и Латвии нет средств такого объема даже для дел более существенных. Вот почему на экологию приходится ждать денег от Евросоюза.

Итак, как я понял, контроль ведется, охрана осуществляется, значит, время терпит? Однако в газетах пишут, что нефть уже проникает в колодцы и системы водоснабжения...

— Нет, ничего подобного наша комиссия не зафиксировала. По крайней мере если у кого-то одного в колодце и появился нефтепродукт, то причину надо искать в чем-то другом. Сам город находится в четырех километрах от «озера», стоит на горке (отсюда и название: «калнс» по-латышски — гора), метров минимум на пять выше уровня гудронового «озера», и специалисты однозначно считают,

Яунджейкарс: «ЧП нет».

что вверх, в сторону Инчукалнса, движение гудрона просто невозможно. Вниз — по направлению к Гауе — да, а вверх — нет...